

УДК 82.091

П. А. Москаленко,
филологический факультет,
Омский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д-р филол. наук, доц. Э. И. Коптева

Библейские аллюзии в поэмах М. Ю. Лермонтова

Аннотация. Статья ориентирована на выявление в поэмах М. Ю. Лермонтова библейских аллюзий, в связи с чем анализируется контекст их возникновения в аспекте конкретного произведения.

Ключевые слова: аллюзия, М. Ю. Лермонтов, поэма, романтизм, романтическое сознание, демонизм.

В поэме М. Ю. Лермонтова «Азраил» развивается центральная для всего творчества Лермонтова тема богоотступничества. Герой наделен трагическим чувством бесприютности. Мысль и чувство его надмирны, существуют вне категории времени, дух героя томится в вечности. В приведенном отрывке Лермонтов обращается к книге Екклесиаста, показывая мучительные размышления героя над бренностью происходящего в мире:

Всё умирает, всё проходит.
Гляжу, за веком век уводит
Толпы народов и миров
И с ними вместе исчезает.
Но дух мой гибели не знает... [2, с. 124]

У Азраила нет смирения с этим законом, он мучим размышлениями о первопричине своего существования: «Ты знать про будущее мог, / Зачем же сотворил меня?» [2, с. 129] Сущность падшего героя предопределена волей Творца и законом мироздания: «И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить» (Откр. 8:13). Тема Апокалипсиса связана с центральной темой Страшного суда над людьми, с концом времен. Но для Азраила нет суда, как и общего человеческого закона, и пути к спасению. Всё это раскрывает обостренные страдания бессмертной души:

И землю вечность разобьет,
Услышав грозную трубу,
Я в новый удалюсь мир
И стану там, как прежде сир,
Свою оплакивать судьбу [2, с. 130].

Наряду с устремленностью лермонтовского героя в вечное и осмыслением им себя непричастным к суетности дольного развивается иной, противоположный мотив. Азраил проявляет любовь

к красоте земного мира: «Я всё мгновенное люблю, / Утрата мучит грудь мою» [2, с. 125].

Здесь отражены переживания самого Лермонтова, проблема духовной целостности личности, стремления обрести эту целостность, воплотить ее в земной жизни. Прощаясь с землей, душа, плененная таинством Божьего мира, желает лишь перенести его красоту в Вечность. Однако «мотив узрения Бога через виденье мира земного» [1, с. 19] характерен для позднего творчества поэта.

Душа Азраила трагически разобщена с миром, но демонический характер уже в этой ранней поэме претерпевает трансформацию: Азраил не только томится, но и любит. В нём есть стремление к обретению в мире гармонии через любовь и жажда хоть на мгновение почувствовать «искру жизни человеческой» [2, с. 127]. Азраил желает получить прощение Бога: «Она слезу уронит надо мной, / Смягчит творца молитвой молодой» [2, с. 125].

Образно и тематически поэма «Азраил» связана с «Демоном» [4, с. 241]. В «Демоне» Лермонтов вводит ряд библейских аллюзий, называя героя «духом изгнания», «счастливым первенцем творенья», показывая прошлую безгрешную жизнь Демона в «жилище света». Демон чувствует себя отчужденным от идиллического мира природы, испытывая при этом зависть и презрение к нему:

Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоко
Не отразилось ничего [4, с. 243].

В то же время он желает полноты бытия, стремится к красоте и гармонии, и символом этого становится любовь Демона к Тамаре. Одним из существенных смысловых центров поэмы оказывается песнь Демона, которой он стремится прельстить Тамару.

В поэме неоднократно на уровне мотива, цитаты или структурной организации текста возникает связь с другими произведениями поэта.

... Облаков неуловимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль [4, с. 245].

В этом отрывке есть строки, перекликающиеся со стихотворением «Выхожу один я на дорогу» 1841 г. [3], во многом итоговим, поскольку оно представляет собой отражение духовных исканий поэта.

Ведущим мотивом становится исповедальность, отречение суетности мира от юношеской мятежности, что выражается в строке: «И не жаль мне прошлого ничуть» [3, с. 208]. В устах Демона строчка *И прошедшего не жаль* [2] являет смысл противоположный: он не способен к созерцанию нетленной красоты, к ощущению себя частью этого идиллического пространства. Реальность Демона пребывает в категориях времени, а не вечности, потому так остро ощущается им бесконечное течение лет.

В душе Демона на мгновение с зарождением любви к Тамаре возникает волнение от ранее утраченного и возникшего внезапно осязания способности чувствовать красоту:

... Он любовался — и мечты
О прежнем счастье цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда [4, с. 243].

Образы звезд как путеводных для странника светил на пути к Богу также появляются позд-

нее в стихотворении «Выхожу один я на дорогу»: «И звезда с звездою говорит» [3, с. 208]. Построение фразы в поэме и в стихотворении практически идентично, однако у Демона возникают лишь мечты о прежнем существовании, звезды еще не освещают ему путь, обозначен намек на возможность возвращения к свету. Закономерным, таким образом, становится вопрос: сможет ли Демон воспрепятствовать искушению и пойти против своей природы?

Но далее мы видим, что Демон не отступает от своей сущности и продолжает творить зло. Оставаясь глухим к миру, он стремится лишь обладать и властвовать:

И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участья
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты... [4, с. 254]

Особое эмоциональное напряжение выражено в клятве Демона, опровергающей евангельские постулаты. Демон провозглашает: «Клянуся небом я и адом», тогда как в Евангелие сказано: «Я говорю вам: не клянитесь вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его» (Мтф. 5:34–35).

Желание героя *с небом помириться* — это ложь от лукавого. Окончательная редакция поэмы отличается существенным преобразованием в сюжете. Мы видим не только искушение и гибель Тамары, но и воскресение. Идейное противоречие разрешается в финале поэмы: «дух зла» оказывается поверженным, а Тамара, чью душу Творец соткал из «лучшего эфира», через любовь искупает свой грех.

1. Киселева И. А. Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. — М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2007. — 128 с.

2. Лермонтов М. Ю. Азраил // Соч. : в 6 т. Т. 3 : Поэмы. 1828–1834. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. — С. 124–148.

3. Лермонтов М. Ю. Выхожу один я на дорогу... // Соч. : в 6 т. Т. 2 : Стихотворения. 1832–1841. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. — С. 208–209.

4. Лермонтов М. Ю. Демон // Соч. : в 6 т. Т. 4 : Поэмы : 1835–1841 / ред. Б. В. Томашевский. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. — С. 241–258.